

Святитель Филарет как апологет русского языка

Читая о жизни святителя Московского Филарета (Дроздова), нельзя не вспомнить слова Экклесиаста: «Бывает нечто, о чем говорят: «смотри, вот, это новое», но это было уже в веках, бывших прежде нас» (Эккл. 1.10). Святитель Филарет известен, во-многом, как вдохновитель перевода Священного Писания на русский язык.

Дело двигалось нелегко; в 1826 году Библейское Общество было закрыто, и лишь в 1858 г. определение Священного Синода о возобновлении русского перевода Священного Писания было подтверждено Высочайшим соизволением. Необходимость перевода созрела давно: сам Филарет писал, что «язык славянского перевода Библии, общевразумительный и общеупотребительный в свое время, не таков уже в настоящее время по своей древности». Кроме того, святитель понимал, что «при распространяющейся образованности, неведение в предметах веры унижало бы ее пред глазами разума и порождало бы сомнения».

Знакомство с обстоятельствами эпохи подтверждает, что ситуация вокруг перевода Библии на русский язык является по своей сути зеркальной по отношению к современному вопросу о языке богослужения. Аргументы меняются, но вопрос, по сути, один: должна ли Церковь предпринять усилие, чтобы донести до людей Божье слово на родном для них языке, или же сами люди, овладевая «священным языком», должны познавать учение Церкви?

Сегодня набор аргументов против введения в богослужение русского языка представляется довольно стандартным. Церковно-славянский язык признается священным, в отличие от русского, которому отводится лишь функция бытового общения. Согласно этой теории, русский язык огрубел и не может передать всех тонкостей богослужебного языка.

Конечно, встает вопрос о понимании богослужения, но и здесь готов ответ. Сознательное участие в богослужении и понимание совершаемых молитв вообще не является приоритетом. В частности, преподаватель Одесской Духовной семинарии и член Богословско-канонической комиссии (!!!) при Священном Синоде УПЦ МП прот. Георгий Городенцев пишет: «святые считали полезным для своей души чтение именно малопонятного церковно-славянского текста, а не понятного русского. Почему? Потому что чтение Псалтири имеет не познавательное, а духовное значение, в этом состоит ее душеполезность ... у меня есть сильные подозрения, что после перевода богослужения (в том числе и богослужебной Псалтири) на русский язык так, чтобы ее стали досконально понимать мы, ее перестанут «понимать» бесы, соответственно они перестанут от этого чтения и трепетать со всеми вытекающими отсюда последствиями». Поэтому, по мнению богослова, задача православного человека сводится лишь к усердному изучению славянского языка, а о переводе стоит забыть вовсе. Таким образом, развлечение обитателей inferнального мира объявляется задачей, куда более важной, чем понимание богослужения и сознательное в нем участие.

Обратимся к истории. Киевский святитель Филарет (Амфитеатров) был одним из самых категоричных противников перевода богослужения на русский язык. В частности, он писал обер-прокурору священного Синода А.П. Толстому: «русское наречие не может передать священного писания со всею тою силою и верною, какими отличается перевод славянский <...> надобность состоит не в переводе Библии на русский язык, а в прилежном изучении славянского языка <...> мысль о переводе священного писания на русское наречие ... родилась отнюдь не в церкви русской, но в Англии, гнездилище всех ересей, сект и революций <...> к нам вторгаются иностранцы со своим изданием Библии на русском языке ... против такого незаконного вторжения нужно принять меры правительства»[1]. Вывод прост: следует «оставить навсегда неприкосновенным основной текст славянского перевода ... как освященный древностию и преданный нам от святых славянских апостолов - Мефодия и Кирилла».

Имена Кирилла и Мефодия заслуживают особенного внимания. Киевский святитель видит их своими союзниками, однако очевидно, что дело Кирилла и Мефодия продолжает именно святитель Московский. Аргумент, основанный на теории «священного языка» направлялся не только против святителя Филарета, но и против самих Кирилла и Мефодия. Отрицание теории «священного языка» и есть то, что заставляет Кирилла нести свет просвещения, переводя Писание и богослужение на славянский язык. В ответ на возражения моравских епископов Кирилл отвечал: «Не идет ли дождь от Бога равно на всех, не сияет ли для всех солнце, не равно ли все мы вдыхаем воздух? Как же вы не стыдитесь лишь три языка признавать, а прочим всем народам и племенам велите быть слепыми и глухими? ... Мы же знаем многие народы, что владеют искусством письма и воздают хвалу Богу каждый на своем языке. Известно, что таковы: армяне, персы, абхазы, грузины, согдийцы, готы, авары, турки, хазары, арабы, египтяне, сирийцы и иные многие», цитируя слова апостола Павла: «в церкви хочу лучше пять слов сказать умом моим, чтобы и других наставить, нежели тьму слов на незнакомом языке» (1 Кор. 14.19).

Очевидно, что вопрос частичного или полного перевода богослужения на русский язык есть вопрос целесообразности, а не принципиальной возможности - как в случае с переводом Священного Писания, так и в случае с переводом богослужебного текста. Сам святитель Филарет, возражая своему киевскому тезке, писал: «1) Русское наречие обладает обилием славянского, и присовокупляет к нему свое обилие. 2) Языки менее обильные, нежели русский, выдерживают удовлетворительное переложение Священного Писания». Нет никакого внятного богословского аргумента, в согласии с которым в храме может звучать японский или алеутский язык, но не может звучать русский. Профессор Осипов полагает, что церковно-славянский язык - это стиль «барокко», а современный русский язык - стиль «баракко». Можно ли согласиться с этим тезисом? Действительно ли язык наших современников Бориса Пастернака и Арсения Тарковского - это стиль «баракко»? С одной стороны, есть прекрасные переводы гимнов прп. Симеона Нового Богослова на вполне современный русский язык, выполненные митрополитом Волоколамским Иларионом, с другой - «церковная» «поп-музыка» типа «православие-благоухание». Согласимся с другим московским профессором - «Русский язык не деградирует, а, как всякий другой язык, изменяется. Деградируют люди, говорящие по-русски». А одушевляется язык молитвой.

Благодаря святителю Филарету, мы имеем возможность чтения Библии по-русски; кто знает, если бы он не стал вдохновителем перевода, была бы у нас такая возможность? Едва ли бы кто-то взялся за этот труд в советскую эпоху. Мы благодарны ему за труд, но что мы сами оставим потомкам, кроме успехов в искусстве консервации?

Я не сторонник мгновенного и полного перевода богослужения на русский язык; это было бы катастрофой. Дело даже не в том, что мы не готовы к частичному переводу или редакции церковно-славянского богослужения на русский язык. Время лишь отбросило нас назад; если в XIX веке спокойная дискуссия на тему о переводе Писания - для той эпохи, тему революционную! - была возможна среди членов Синода, нынешний уровень культуры общения (а, зачастую, и богословской грамотности) в Церкви таков, что мы не готовы даже к спокойному общецерковному обсуждению темы перевода богослужения без раздачи ярлыков «обновленцев» и «кочетковцев». На словах мы почитаем святых просветителей Кирилла и Мефодия, а также святителя Филарета Московского, однако *по складу ума мы гораздо ближе к их противникам, чем к ним самим.*

«Арфа Филарета» сдана в архив, пылится на полке, ожидает лучших времен.

[1] Мнение свт. Филарета Амфитеатрова приводится полностью в книге И.А. Чистовича «История перевода Библии на русский язык».

http://www.religion.in.ua/zmi/foreign_zmi/7153-svyatitel-filaret-kak-apologet-russkogo-yazyka.html